

НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО В ДЕЛА СЕМЬИ ИЛИ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ТРЕТЬИХ ЛИЦ: ОСНОВАНИЯ И ПРИОРИТЕТЫ

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор исследует некоторые примеры правоприменительной практики с целью выявления оснований и правовых последствий вмешательства третьих лиц в дела семьи. Отмечается значение правового статуса субъекта, намеревающегося установить или опровергнуть семейно-правовые связи, подчеркивается необходимость гармонизации частных интересов представителей разных семей.

Ключевые слова: семейные правоотношения, установление отцовства, наследственные правоотношения, частные интересы, невмешательство в дела семьи.

Семейные правоотношения достаточно разнообразны по своему субъектному составу, что обусловлено социальной характеристикой возможных взаимосвязей.

Заключение брака порождает не только отношения супружества, но и отношения свойства, поскольку не только каждый из супругов становится участником союза «зять–теща/тесть» и «сноха–свекровь/свекр», но и родители супругов становятся свойственниками по отношению друг к другу. Не исключено, что на момент заключения брака у одного или обоих супругов уже есть дети, что влечет за собой установление правовой связи «пасынок/падчерица – отчим/мачеха».

В случае усыновления, по общему правилу, прекращаются правоотношения с кровными родственниками усыновленного и возникают соответствующие правоотношения с усыновителем и его родственниками, что кардинально может изменить структуру семейных правоотношений. Не стоит забывать и о том, что в соответствии со ст. 137 Семейного кодекса Российской Федерации [1] (далее – СК РФ) при усыновлении суд может сохранить личные неимущественные и имущественные права и обязанности усыновленного ребенка с одним из родителей или с родственниками умершего родителя.

Приведенные нами модели структуры семейных правоотношений весьма традиционны, взаимоотношения между субъектами в достаточной мере регламентированы законом, что и перспективы их развития делает вполне ожидаемыми с точки зрения обеспечения прав и интересов членов семьи.

В то же время семья является социальным институтом, открытым для взаимодействия с иными лицами, в том числе не всегда дружественно настроенными к членам семьи. Пикантные ситуации с «любовным треугольником», эмоциональными трагедиями при донорстве биологического материала или суррогатном материнстве могут вызывать не только общественный резонанс, степень которого зависит от известности действующих лиц, но и необходимость теоретического осмысления сложившейся ситуации с точки зрения применения принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (ст. 1 СК РФ).

Приведем несколько примеров, которые, на наш взгляд, демонстрируют потребность установления в каждом конкретном случае оснований и формы вмешательства третьих лиц, не являющихся субъектами семейных правоотношений, в дела соответствующей семьи.

Гражданин Ф. обратился в суд с заявлением о расторжении брака (г. Губкин, Белгородская область, 2008 год), указав, что с ответчицей состоит в браке, имеют общую несовершеннолетнюю дочь, но он встретил и полюбил другую женщину. Примечательно, что решением суда в удовлетворении иска было отказано. Это тема отдельного исследования, отметим лишь, что норма п. 1 ст. 22 СК РФ «Расторжение брака в судебном порядке производится, если судом установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи невозможны» [1] не исключает отказа в удовлетворении иска, если суд установит, что всё возможно.

Не соглашаясь с данным решением, Ф. подал апелляционную жалобу, в удовлетворении которой было отказано. Суд апелляционной инстанции привел несколько оснований, обосновывающих отказ. Нашего внимания заслуживает следующее: «В судебном заседании

апелляционной инстанции установлено, что исковое заявление о расторжении брака писала женщина, у которой проживает истец, он его только подписал, то есть в данном случае в семью Ф. незаконно вмешалось постороннее лицо». И еще одно основание: «Суд апелляционной инстанции признал неубедительными доводы о том, что у истца сложилась новая семья, так как в юридической литературе под семьей принято понимать основанное на браке или родстве объединение лиц, связанных между собою личными и имущественными правами и обязанностями, моральной и материальной общностью, взаимной поддержкой, воспитанием детей, ведением общего хозяйства».

Таким образом, женщина, с которой, со слов Ф., он фактически создал семью, является абсолютно посторонним лицом, совершившим незаконное вмешательство в дела семьи, что и получило соответствующую правовую оценку в судебном заседании. Очевидно, данный брак в итоге все равно был расторгнут, однако позиция суда заслуживает внимания.

Современная действительность, как, впрочем, и жизнь вообще, богаче фантазии (фраза Л.Б. Максимович), в связи с чем приведем еще несколько реальных семейных историй, сопровождавшихся вмешательством третьих лиц в дела семьи.

Применение вспомогательных репродуктивных технологий, методов искусственного оплодотворения и суррогатного материнства, несмотря на относительно устоявшуюся практику, сопровождается не только, как было отмечено ранее, эмоциями, но и юридическими казусами [4].

Так, И.Б. Вячеславов обратился один из районных судов г. Санкт-Петербурга к Е.Б. Викторовой с иском об установлении отцовства в отношении М.И. Викторовой, 2017 г. рождения (персональные данные участников дела изменены).

В обоснование своего требования указал, что между сторонами и ООО «Клиник7» был заключен договор о проведении процедуры экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО), в результате которого у ответчицы наступила беременность и родилась дочь. При регистрации рождения дочери ответчица в графе «отец» обозначила прочерк. В то же время истец и до, и после рождения дочери оказывает ответчице материальную помощь, однако ответчица отказывается добровольно явиться в органы загса для установления отцовства по совместному заявлению.

Рассмотрев материалы дела, суд сослался на разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в постановлении Пленума от 16 мая 2017 г. № 16: «п. 32 По смыслу семейного законодательства (пункт 4 статьи 51 СК РФ) рождение ребенка с использованием супругами (одинокой женщиной) генетического материала не влечет установления родительских прав и обязанностей между донором и ребенком независимо от того, было данное лицо известно родителям ребенка или нет (анонимный донор)» [2] – и отказал в удовлетворении иска.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 10 июня 2020 г. было принято новое решение, которым исковые требования Вячеслава И.Б. были удовлетворены.

Обратим внимание на аргументацию, содержащуюся в апелляционном определении.

Во-первых, И.Б. Вячеславов, как следует из медицинских документов, участвовал в программе ЭКО в качестве «супруга (партнера)», это заявление оформлено в соответствии с требованиями закона, поэтому «оно может рассматриваться как основание для лиц, не состоящих в браке, для возникновения прав и обязанностей».

Во-вторых, истец «присутствовал в роддоме в первые часы после родов, встречал из родильного дома дочь и ответчицу, в связи с чем у него возникли родительские права и обязанности в отношении дочери Викторовой М.И.».

Во-третьих, суд первой инстанции пришел к неверному выводу, что истец проходил программу ЭКО в качестве донора половых клеток, так как не мог быть донором по возрастному цензу. В апелляционном определении приводится ссылка на положения п. 62–69 Приказа Минздрава России от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»: анонимными и неанонимными донорами могут быть мужчины, не достигшие возраста 45 лет. Вячеславов же, 3 февраля 1972 г. рождения, на момент процедуры ЭКО (март 2017 г.) достиг указанного возраста.

Таким образом, суд апелляционной инстанции принял новое решение, удовлетворив требование И.Б. Вячеславова об установлении отцовства. В рамках настоящего исследования эта история познавательна с точки зрения определения субъектов программы ЭКО, поскольку для медицинской организации субъекты «супруг» и «партнер» абсолютно тождественны, и лишь разница буквально в несколько дней обусловила различия в статусе мужчины «донор» и «партнер». По большому счету, с точки зрения семейного законодательства женщина, не состоящая в браке, обладает преимущественным правом при государственной регистрации рождения ребенка в части записи сведений об отце ребенка. Вмешательство же постороннего лица, выступавшего фактически донором спермы, в правоотношения по воспитанию родившегося ребенка не всегда соответствует интересам последнего. Заметим, что данное дело было рассмотрено Верховным Судом Российской Федерации (определение № 78-КФ20-1979-КЗ).

Приведем еще один пример из сферы применения вспомогательных репродуктивных технологий, также касающийся участия постороннего лица в семейных правоотношениях.

Я.Т. Сергеева обратилась в суд с иском к К.С. Константинову об установлении отцовства в отношении несовершеннолетних В.К. Сергеевой и Л.К. Сергеевой, 3 июля 2017 г. рождения (персональные данные участников дела изменены). В обоснование своих требований истица указывала, что ответчик участвовал в программе ЭКО, в ходе которой подписывал согласие принимать участие в воспитании будущих детей, является отцом ее детей, но в настоящее время отказывается подать совместное заявление в органы загса об установлении отцовства.

Решением одного из городских судов Сахалинской области в удовлетворении иска было отказано. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Сахалинского областного суда было принято новое решение, которым постановлено установить отцовство К.С. Константинова в отношении двух несовершеннолетних детей. Определением Верховного Суда Российской Федерации (№ 64-КГ19-6) апелляционное определение было отменено, а решение городского суда оставлено в силе.

В данной истории обращает на себя внимание следующее.

Во-первых, истица обратилась в медицинский центр с заявлением о проведении процедуры ЭКО, в котором был указан донор – К.С. Константинов. Заявление было подписано истицей и ответчиком, при этом ответчик просил произвести криоконсервацию его спермы на один год и использовать ее в течение указанного срока для оплодотворения Я.Т. Сергеевой. В результате проведения повторного ЭКО 3 июля 2017 г. у истицы родились две дочери.

Во-вторых, отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал, что ответчик проходил программу ЭКО как «гражданский муж» (кавычки мои, цитата из судебного акта – О.И.) истицы, индивидуальная карта донора на него не заполнялась, в связи с чем «у него возникли родительские права и обязанности в отношении родившихся у истицы детей».

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отмечает следующее: из материалов дела следует, что Я.Т. Сергеева действительно обратилась в медицинский центр с заявлением об участии в программе ЭКО с использованием спермы донора К.С. Константинова, последний же подписал это заявление в графе «муж». Оформление такого заявления свидетельствует лишь о прохождении истицей и ответчиком процедуры ЭКО.

Примечательно, что в данном определении Судебная коллегия обращается к приложению № 12 названного ранее по тексту Порядка, утвержденного приказом Минздрава России от 30 августа 2012 г. № 107н, где содержится форма соответствующего заявления. Судебная коллегия подчеркивает, что эта форма «не содержит указаний на необходимость обозначения правовых статусов заявителей (муж/жена), в связи с чем подписанное сторонами заявление установленной форме не соответствует. Из этого следует, что данное заявление не может рассматриваться как основание для возникновения прав и обязанностей для лиц, не состоящих в браке».

Далее Судебная коллегия указывает: «При таких обстоятельствах, наличествующая в заявлении фраза “Я обязуюсь...”, исходя из единого контекста и смысла всего заявления, относится к принятию данной обязанности именно лицом, подающим заявление на медицинское вмешательство – истцом».

Естественно, что при таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о том, что в заявлении истицы о добровольном согласии на медицинское вмешательство ответчик, расписавшись в графе «муж», обязался взять на себя все права и обязанности родителя, являются ошибочными.

Весьма корректно Судебная коллегия отмечает и следующее: «Вместе с тем в заявлении К.С. Константинова одновременно подчеркнуты два взаимоисключающих пункта (я обязуюсь взять (не обязуюсь взять) все права и обязанности родителя в отношении будущего ребенка), что не позволяет сделать вывод о согласии ответчика на принятие на себя прав и обязанностей родителя в отношении будущего ребенка».

Судебная коллегия отмечает и следующие факты:

– К.С. Константинов дал согласие на криоконсервацию его генетического материала на определенный срок и использование его для оплодотворения истицы. Однако договор о донорстве между ответчиком и медицинским учреждением не был заключен по независящим от ответчика причинам;

– базовый этап ЭКО оказался неудачным, беременность истицы не наступила. Однако это позволило считать, что дальнейшие правоотношения между К.С. Константиновым и клиникой ограничивались действием договора о криоконсервации генетического материала;

– на повторную программу ЭКО истица обратилась одна, просила провести ей ЭКО «с использованием ооцитов профессионального донора», подписи от имени К.С. Константинова в этих заявлениях сделаны истицей;

– несмотря на отсутствие договора о донорстве между К.С. Константиновым и клиникой, генетический материал ответчика был использован при проведении медицинского вмешательства истице как материал неанонимного донора.

И, что не менее важно, суд апелляционной инстанции не учел, что правовое значение для последствий процедуры ЭКО имеет нахождение участников этой программы в браке, «партнерство» женщины, не состоящей в браке с донором спермы, применительно к процедуре ЭКО не может служить достаточным основанием для установления отцовства в судебном порядке.

Заметим, что изучение определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ вызывает особый интерес, несмотря на факт отмены судебных актов судов первой и (или) апелляционной инстанций. Логика рассуждений и аргументация, стиль определений, указание на допущенные нарушения норм материального и процессуального права заслуживают внимания и с точки зрения повышения качества судебных актов [5].

Таким образом, будь то донор или партнер по программе ЭКО, муж или «гражданский муж» – для вмешательства (или попытки «вмешаться») в семейные отношения и возникновения соответствующих прав и обязанностей должны быть правовые основания.

Достаточно значимым для формирования судебной практики по делам о наследовании является постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2021 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной» [3]. Соответствующая жалоба и позиция Конституционного Суда РФ вызывают интерес именно с точки зрения расширения круга лиц, которые могут вмешаться в семейные правоотношения, в дела семьи.

Как известно, в ст. 52 СК РФ исчерпывающим образом определен круг лиц, которые могут обратиться в суд с иском об оспаривании отцовства и (или) материнства. Заметим, что определенные вопросы вызывает наделение таким правом лица, фактически являющегося отцом или матерью ребенка, ведь с таким заявлением может обратиться кто угодно, и даже при последующем отказе в удовлетворении иска негативные последствия произвольного вмешательства в дела семьи останутся.

Однако основанием обращения гражданки О.С. Шишкиной стала история, связанная с наследованием и требованием об исключении из числа наследников несовершеннолетней. О.С. Шишкина, являющаяся дочерью наследодателя, усомнилась в том, что несовершеннолетняя М. также является наследницей, поскольку наследодатель установил в отношении нее свое

отцовство при подаче заявления в орган загса. Районный суд г. Барнаула прекратил производство по делу, поскольку данный иск фактически является иском об оспаривании отцовства, а О.С. Шишкина не относится к кругу лиц, обозначенному в ст. 51 СК РФ. Примечательно, что в результате проведенной судебной почерковедческой экспертизы было установлено, что подпись от имени наследодателя на совместном заявлении матери и отца об установлении отцовства была выполнена не наследодателем, а иным лицом. Однако апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Алтайского краевого суда от 27 марта 2019 г. было принято новое решение – отказать в удовлетворении требования об исключении несовершеннолетней М. из числа наследников. Аргументация все та же: О.С. Шишкина не обладает правом требовать оспаривания отцовства; доводы о том, что наследодатель не является биологическим отцом ребенка, не имеют правового значения, поскольку он при жизни отцовство не оспаривал.

Безусловно, наследственные правоотношения в значительной степени ориентированы именно на семейно-правовые связи, особое значение это приобретает при установлении круга наследников первой очереди. С другой стороны, как определить грань, которую могут переходить наследники при попытке сократить круг наследников, призываемых к наследованию? Не является ли произвольным вмешательством в дела семьи попытка оспорить установление правовой связи между умершим и потенциальным наследником?

Именно такой посыл отмечается и в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»: если исковое заявление об оспаривании отцовства или материнства подано, например, одним из наследников лица, записанного в качестве отца или матери ребенка.

Рассмотрев жалобу О.С. Шишкиной, Конституционный Суд РФ признал соответствующие нормы в их взаимосвязи не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой эти законоположения по смыслу, придаваемому им судебным толкованием, служат основанием для отказа наследникам лица, записанного в качестве отца ребенка с нарушениями требований закона (в отсутствие его волеизъявления, на основании подложных документов и т.п.), в принятии искового заявления об аннулировании такой записи, а если производство по делу возбуждено – для прекращения производства по делу без его рассмотрения по существу.

При этом федеральному законодателю предписано внести необходимые изменения в правовое регулирование оспаривания отцовства.

Таким образом, наследники, обладающие информацией о возможных нарушениях при совершении записи об отце, могут вмешаться в дела совершенно посторонней им семьи, защищая исключительно свое право наследования. Обратим внимание, что в жалобе О.С. Шишкиной речь идет о записи, составленной на основании совместного заявления отца и матери ребенка, не состоящих в браке между собой на момент его рождения. Конституционный Суд РФ же отмечает п. 1 ст. 52 СК РФ, что не исключает оспаривание записи об отце, сделанной и в период брака, то есть в рамках презумпции отцовства.

На наш взгляд, такая ситуация выступает наглядным примером проблемы гармонизации интересов членов разных семей при необходимости соблюдения принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996 г. № 1. Ст. 16.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // РГ. 2017. № 110.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной» // СЗ РФ. 2021. № 11. Ст. 1881.
4. Ильина О.Ю. Статус участников программы экстракорпорального оплодотворения в контексте возникновения родительских прав и обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 108–116.

5. Туманова Л.В. Право судьи на справедливое судебное разбирательство. // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 2 (66). С. 71–80.

Об авторе:

ИЛБИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Ilina.OY@tversu.ru

NON-INTERFERENCE IN THE FAMILY OR ENFORCEMENT OF THE RIGHTS OF THIRD PARTIES: GROUNDS AND PRIORITIES

O.Y. Ilyina

Tver State University, Tver

The author explores some examples of law enforcement practice in order to identify the grounds and legal consequences of third parties' interference in family affairs. The importance of the legal status of a subject intending to establish or refute family legal ties is noted, the need to harmonize the private interests of representatives of different families is emphasized.

Keywords: *family legal relations, establishing paternity, inheritance relations, private interests, non-interference in family affairs.*

About author:

ILYINA Olga Yurievna – Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tver State University" (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Ilina.OY@tversu.ru

Ильина О.Ю. Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц: основания и приоритеты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 23–31.